

В.Я. ГЕЛЬМАН

"Transition" по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996)*

Обстоятельная библиография опубликованных в последнее десятилетие научных работ российских (советских) авторов по проблеме политической трансформации в СССР и России, составленная А. Тёмкиной и В. Григорьевым, насчитывает свыше 300 наименований книг, статей, журнальных и газетных публикаций [1]. При всем разнообразии оценок политического развития России и его перспектив авторов этих работ - политиков и политических консультантов, публицистов и сугубо академических ученых, либералов, социологов, националистов и людей без каких-то определенных политических воззрений - объединяет как минимум два общих взгляда на политическую трансформацию России.

Во-первых, ни в одной из этих работ политический режим в России на протяжении всего периода после 1985 года не рассматривается как демократический; речь идет в лучшем случае о некоторых элементах демократии. Во-вторых, вне зависимости от оценок политического прошлого и настоящего страны авторы признают практически нереальными как сценарии возврата к политическому режиму, существовавшему в СССР до перестройки, так и установления в обозримом будущем в России либерально-демократического режима западного типа. В этом отношении оценки политического развития России и ее перспектив большинством российских политологов и западных исследователей в целом совпадают. В этом факте не было бы ничего удивительного, если бы не существенные расхождения между российской и западной политической наукой почти во всем, что привело ученых к такому выводу - начиная от терминологии и кончая характером научных дискуссий. Если бы в посвященных России работах российских и зарубежных авторов не упоминались одни и те же факты, персоналии и географические названия, можно подумать, что речь идет о политических процессах в различных странах.

Научные факты (отмеченные Тёмкиной и Григорьевым) связаны с тем, что до недавнего времени в России западные исследования по проблемам политической трансформации были известны в основном в изложении российских авторов¹, и отношение к этим работам со стороны ряда российских публикаторов было критическим (например, переводы статей из *Journal of Democracy* на русском языке вышли неболь-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Форда. Автор благодарен А. Тёмкиной за критические замечания к ранней версии данной работы.

¹ Изложение концепций переходного периода на русском языке см. [2-5].

шим тиражом [6], в то время как критика транзитологии публиковалась в известных журналах) (7, 8]. В более общем плане следует отметить отсутствие традиций взаимодействия российской и западной политической науки. Среди вненаучных факторов выделим прежде всего непосредственную вовлеченность многих исследователей (прежде всего московских) в политический процесс в качестве как научных консультантов, так и практических политиков, что существенно отличается от практики стран Запада, где подобная ангажированность, скорее, исключение, чем правило. Зачастую это приводило к тому, что политические приоритеты в научных работах брали верх над решением собственно исследовательских задач (скажем, в ходе дискуссии о проектах конституционной реформы 1992-1993 годов позиции большинства авторов определялись их близостью к "командам" Президента или Верховного Совета России), а Научным дискуссиям были присущи монологичность и высокая степень идеологизированности. И хотя начиная примерно с 1994 года отмечается все большее дистанцирование ученых от политиков², полемика приобретает черты научного, а не политического спора, а западный дискурс присутствует и в работах некоторых российских авторов [9, 10], говорить о конвергенции подходов пока что не приходится [1].

В этом плане можно говорить о самобытности большинства российских концепций переходного периода и взглядов на процесс политической трансформации в России. В рамках данной работы рассматриваются две классификации исследовательских подходов — генетическая и тематическая. По генезису (характеру возникновения) концепций можно выделить:

1) прикладные концепции (авторитарно-реформистский подход, "управляемая демократия"), которые изначально возникали на страницах аналитических записок или иных текстов, адресованных политическим лидерам, и позднее иногда воплощались в политических практиках (не всегда так, как виделось их авторам);

2) академические концепции - их появление не было связано непосредственно с решением задач практической политики; среди них можно отметить: критические подходы ("номенклатурная демократия"), которые возникали на основе критики существующего режима и характера его трансформации, хотя иногда также брались на вооружение практическими политиками; аналитические подходы ("гибридная модель", "пулудемократия", концепции клиентелизма), которые исходили из необходимости осмысления процессов, не вписывающихся в рамки привычных политических категорий, и не носили непосредственно оценочный характер.

Анализ российских дискуссий по проблеме посткоммунистической трансформации в

России позволяет выделить несколько тематических блоков:

- 1) дискуссии об авторитаризме и демократии в России;
- 2) дискуссии о роли российских элит в процессе трансформации;
- 3) концепции промежуточных и альтернативных форм политических режимов, включая работы, которые основаны на примате "особого пути" России и анализе характерных только для нее форм политических режимов.

Авторитаризм в посткоммунистической России?

Впервые вопрос о возможности (и даже желательности) перехода СССР от коммунистического правления к либеральной демократии через промежуточный период авторитарного правления был поставлен публично в 1988-1989 годах в статьях А Миграняна и И. Клямкина [13-15], из которых наибольший резонанс имела статья в "Литературной газете" с характерным названием "Нужна железная рука?" [16]. Аргументы Миграняна и Клямкина основывались прежде всего на том, что в СССР невозможно осуществить рыночные реформы демократическими методами из-за слабости гражданского общества и отсутствия демократической политической культуры, в то время как авторитарный режим во главе с сильным лидером способен на

² О взаимоотношениях российских политологов и политиков в процессе трансформации см. [9,10].

проведение радикальных рыночных преобразований (по образцу китайских), после чего возможен переход к политической демократии.

Несмотря на то что эта публикация была фактически адресована политическому руководству страны во главе с М. Горбачевым, на практике высказанные в ней идеи реализации не получили. В то же время работа Миграняна и Клямкина сыграла важную роль в развитии политической науки в России, поскольку, вводя в научный оборот новые понятия, радикально дистанцировалась от господствовавших идейных течений российской общественной мысли (так, Б. Саутман, подробно анализировавший данную концепцию, видит ее источники в идеях американских неоконсерваторов) [17] и тем самым провоцировала дискуссию, привлекая к себе широкое внимание общественности [18, 19]. Либеральная критика этого подхода, представленная прежде всего Л. Баткиным и Г. Дилигенским [20, 21], исходила из представлений о достаточной зрелости гражданского общества и значимости демократии как самоценности для массового сознания и электорального поведения, хотя при этом звучали и другие мнения [22, 23]. В целом дискуссия в духе периода перестройки носила весьма политизированный характер, но вместе с тем она вызвала интерес к анализу моделей политической трансформации, в том числе к изучению характера политического режима в процессе перехода. Например, Л. Шевцова, пытаясь "спроецировать" политические изменения 1989-1990 годов в странах Восточной Европы на процессы в СССР, писала о том, что основная дилемма перехода (демократия - авторитаризм) более сложна, поскольку различные виды авторитаризма (либеральный, популистский, националистический) могут повлечь за собой различные последствия [24]. Ряд высказываний в ходе дискуссии был связан с невозможностью прямого перехода посткоммунистических режимов к демократии, минуя те или иные промежуточные фазы, но в то же время апология авторитаризма казалась многим авторам неоправданной ни в научном, ни в этическом отношении.

Хотя наиболее острая полемика по проблеме авторитаризма в России развернулась после 1991 года, Саутман рассматривал именно работы Миграняна как основу идеологии будущих авторитарных тенденций в российской политике, поскольку тот в отличие от Клямкина, вскоре дистанцировавшегося от идей авторитарной реформации [25, 26], не только продолжал отстаивать и развивать прежние концепции [27-29], но и оказывал непосредственное влияние на принятие политических решений будучи членом Президентского Совета. Это утверждение выглядит преувеличением не только потому, что роль Президентского Совета в реальной политике была не столь велика [9], но и потому, что аналогичные подходы (независимо от Миграняна) были присущи и идеологам российских реформ, считавшим одной из главных проблем социальное сопротивление реформам. Уже в марте 1990 года в аналитической записке Ленинградской ассоциации социально-экономических наук, возглавляемой А. Чубайсом, была предложена масштабная программа авторитарных приемов при проведении экономических реформ: например, "ропуск профсоюзов в случае их выступления против правительственных мер", "чрезвычайное антизабастовочное законодательство", "контроль за всеми центральными средствами массовой информации", "меры прямого подавления по отношению к представителям партийного (КПСС. - В.Г.) актива", хотя их рекомендовалось сочетать с такими мерами, как "политические отдушины, плюрализм и гласность во всем, что не касается экономической реформы". В качестве мер, способствующих фрагментации социальных связей и ослаблению сопротивления реформам, предлагалось "закрывать одну шахту из трех, сохраняя на остальных нормальные условия оплаты" или "меры... вынуждающие к частичному сокращению численности на нескольких предприятиях" [30]. Вскоре после прихода к власти правительства Е. Гайдара один из авторов цитируемой выше записки Б. Львин отмечал, что проведение реформ во имя интересов общества в целом требует игнорирования правительством любых частных или групповых интересов, равно как и выражающих их институтов, включая парламент [31] (что, собственно, правительство Гайдара и пыталось делать в первые месяцы 1992 года). Развивая эти идеи, советник Гайдара

А. Улюкаев писал: «Главный вопрос- как сделать принятие решений... зависящим от знаний и опыта, а не от результатов голосования, как добиться "режима нераспространения" политической сферы на иные сферы общественной жизни» [32]. В предельной форме концепция сочетания экономического либерализма с отказом от представительной демократии воплотилась в воззрениях В. Найшуля, публично пропагандировавшего не только экономический опыт, но и политические практики реформ в Чили при Пиночете [33].

Заметим, что если у Миграняна и Клямкина реформы в экономике рассматривались как необходимое условие для установления демократии, то экономисты-реформаторы исходили из принципиально иной концепции и рассматривали как самоценность свободный рынок и частную собственность, а отнюдь не демократию. Подобный подход обосновывался необходимостью решения модернизационных задач, например, следующим образом: "Учитывая отсутствие в России гражданского общества, нестабильность... мы считаем неизбежным авторитарный режим в стране. Сегодня стоит вопрос о выборе не между демократией и авторитаризмом, а между различными формами последнего. Задачам модернизации отвечало бы установление либерально-технократического и одновременно патриотического, просвещенного авторитаризма" [34, 35]. По определению В. Хороса и М. Мешкова, в России, как и в ряде стран третьего мира, был выдвинут лозунг "диктатуры развития" [36].

Проекты авторитарной модернизации в России вызвали критику по нескольким основаниям. Прежде всего указывалось на то, что большинство авторитарных режимов неспособно к проведению экономических реформ, не говоря уже о политической цене таких реформ [37, 38]. Авторы, придерживающиеся левой ориентации (от ортодоксальных коммунистов до сторонников демократического социализма), указывали на то, что антинародный характер реформ, противоречащих интересам широких слоев общества, вынуждает правящую группировку отстаивать свои интересы авторитарными методами [39-42].

Либеральная критика проектов авторитарной модернизации носила как прагматический, так и принципиальный характер. Прагматики, не отрицая желательности осуществления данных проектов, выражали сомнение в их реализуемости из-за отсутствия социальных сил, способных быть опорой реформаторского авторитарного режима в России [43, 44]. Напротив, Б. Капустин, проводя ряд сравнений и исторических параллелей, указывал на то, что результатами установления авторитарного режима в России воспользуются политики, не заинтересованные ни в модернизации, ни в демократизации [45]. Принципиальная полемика сопровождалась критикой мировоззрения реформаторов, не желающих (не умеющих?) проводить реформы в условиях демократии [46-48]; порой эти высказывания во многом совпадали с левой критикой реформ, однако расходились с ней как в риторике, так и в рекомендациях. А. Макушкин (сотрудник возглавляемого Г. Явлинским ЭПИцентра) полагал, что курс на авторитарное развитие возник в современной России как следствие провала политики реформ, осуществляющихся в рамках чрезвычайных полномочий исполнительной власти из-за ее "отказа отчитаться за результаты и вернуть свои чрезвычайные полномочия". "В этих условиях президентская структура становится центральным фактором политической нестабильности", что повлекло за собой кризис легитимности и события сентября-октября 1993 года. По мнению Макушкина, шаги российских радикал-реформаторов дискредитировали идеи демократии [49]. С. Митрохин (позднее - депутат Государственной Думы от "Яблока"), характеризовавший политику реформ как "вульгарный либерализм", видел опасность авторитарных реформ в том, что они создают социальную базу для массовых экстремистских движений (прежде всего левых) [50]. Другие авторы полагали реальной опасностью праворадикальной угрозы вследствие массового недовольства политической авторитарных реформ или перерождения режима [51, 52], хотя оппоненты такого подхода рассматривали авторитаризм как альтернативу фашизму [52]. Особое мнение высказывал Д. Фурман, для которого установление авторитаризма в России после 1993 года являлось естественным

завершением революционного цикла, так же как это произошло после 1917 года [53, 54].

Характеристики политического режима в России как авторитарного стали почти повсеместными после октября 1993 года и принятия новой Конституции России. Например, на прошедшем в декабре 1993 года первом симпозиуме "Куда идет Россия?" все участники, выступавшие по данной проблематике, констатировали наступление в России авторитаризма, расходясь лишь в оценке его направленности и перспектив [55, 56]. Положение об авторитаризме в современной России было включено даже в состав вузовских учебных программ [57]. Различные авторы связывают с авторитаризмом в России столь разнородные явления, как волонтаризм, произвол, вседозволенность, насилие [58], криминализацию власти и общества (подчеркивается, что в авторитаризме заинтересованы прежде всего криминальные круги) [59, 60], а также резкое расширение полномочий исполнительной власти и ограничение представительных органов. Так, Т. Ворожейкина утверждает, что "в результате... принятия новой Конституции в России в общих чертах сложились институты авторитарного президентского режима... Важнейшим для формирования политического механизма стал сам прецедент силового решения конфликта между ветвями власти в 1993 году, сделавший психологически и политически допустимым применение военной силы". По мнению Ворожейкиной, нет оснований рассчитывать на эволюцию этой модели в сторону либеральной демократии: "временная, казалось бы, политическая система, возникшая в переходной ситуации под воздействием конъюнктурных политических факторов, очень часто переживает эту ситуацию и оказывается долговременным фактором, определяющим дальнейшее развитие общества... сложившийся баланс (или, точнее, дисбаланс властей)... по-видимому сохранится... Тем самым сформированы политические предпосылки для реализации проекта авторитарной модернизации" [44].

Возражая против утверждений о суперпрезидентстве как источнике авторитаризма, А. Салмин замечает, что в политическом плане фигура Президента в России отнюдь не является сильной, представляя собой "смесь главы силовых исполнительных ведомств со второстепенной законодательной властью. Президент не опирается на партию, у него нет даже своей фракции в парламенте", а гипертрофированное влияние Президента на российскую политику определяется слабостью иных институтов, прежде всего - партий и парламента [61]. Однако это мнение (высказанное членом Президентского Совета) - скорее, исключение. Более типичны выводы конфликтологической экспертизы "Российский социум в 1994 году", в проведении которой участвовали как либерально, так и антилиберально настроенные авторы: "реформы значительного масштаба... могут проводиться лишь тогда, когда руки исполнительной власти относительно свободны - в этом смысле некоторый авторитарный сдвиг, вероятно, был необходим. Но каковы пределы этого сдвига и как долго он продолжится?" [62]. В итоговом докладе в качестве рекомендации эксперты полагали необходимым возврат от "временного авторитаризма" к "постоянной демократии"; в аналогичном докладе, опубликованном год спустя, те же авторы констатировали, что цели "авторитарного сдвига" не достигнуты, а возврат от авторитаризма так и не произошел [63].

Следует обратить внимание на то, что в ряде работ интерпретация авторитаризма (тем более понятия "авторитарный режим") применительно к современной российской политике носит весьма широкий характер, а характеристики авторитаризма далеки от классических. Например, О. Сенатова выделяет следующие признаки для определения "регионального авторитарного режима": 1) эволюция модели управления в сторону обеспечения режима личной власти руководителя исполнительных органов; 2) нивелировка и ограничение функций органов представительной власти всех уровней; 3) явное покровительство региональной власти "придворным" экономическим структурам и одновременное вытеснение из экономического пространства региона независимых и принадлежащих политическим противникам администрации и ее главы

коммерческих структур, тотальный контроль над экономической жизнью региона; 4) создание на базе СМИ пропагандистской машины, ликвидация тем или иным способом независимых СМИ [64].

Сходный характер носит определение "регионального авторитаризма" у нижегородского автора С. Борисова. Он в качестве основных характеристик "регионального авторитаризма" отмечает: 1) доминирование исполнительной власти над представительными органами; 2) контракт о взаимной лояльности между Центром и главой исполнительной власти региона; 3) наличие косвенного контроля исполнительной власти над СМИ; 4) нейтрализацию либо подавление реальных или потенциальных центров оппозиции в регионе; 5) патронаж над общественными объединениями (как политическими, так и "третьего сектора") со стороны региональной исполнительной власти в обмен на публичную поддержку ими последней [65].

Однако парадокс заключается в том, что все отмеченные выше явления сопровождаются вполне демократическими процедурами - деятельностью представительных органов, проведением конкурентных выборов (безальтернативное голосование - все же, скорее, исключение, чем правило), существованием формально независимой прессы и т.д. Более того, говорить о "региональном авторитаризме" как о сложившейся целостной системе не приходится (хотя авторитарные тенденции в ряде регионов очевидны), ибо в ряде регионов России в ходе губернаторских выборов главы администраций терпели поражение и лишались своих постов [66]. В этом отношении справедливо утверждение Клямкина и его коллег: "Авторитаризма в России нет, пока не отменены выборы, пока сохраняется свобода (относительная) деятельности СМИ и политических организаций, можно говорить о специфическом сочетании авторитаризма и демократии (при доминировании первого), но не об утвердившемся авторитаризме" [67]. Неполноту, незавершенность авторитарных тенденций в России отмечал и Фурман: "Авторитаризм нынешнего режима относительно "мягок", да и навряд ли он будет долговечен" [53].

По мере ослабления федеральной власти и в свете начинавшихся избирательных кампаний происходит переосмысление оценок российского режима как авторитарного. Осенью 1994 года Мигранян признал нереальным осуществление в России авторитарных реформ и взамен предлагал создание мобилизационного режима [68]. В более развернутой форме возможность установления целостного авторитарного режима в России проанализировали А. Галкин и Ю. Красин [69]. Ими было выделено шесть факторов, препятствующих авторитаризму: 1) свежий негативный опыт этатистско-патерналистской системы и ее губительные последствия; 2) нежелание наиболее активной части граждан пожертвовать уже достигнутыми демократическими завоеваниями; 3) становление самостоятельных субъектов социально-экономической жизни, обладающих значительным антиавторитарным потенциалом; 4) гетерогенность правящей элиты, препятствующая ее сплочению вокруг единого лидера; 5) неравномерность и неоднозначность развития регионов России, препятствующие созданию монолитной системы авторитарных институтов; 6) отсутствие на политической арене влиятельной силы, имеющей национально признанного лидера и готовой на роль каркаса авторитарного режима.

По мнению Галкина и Красина, наибольшая опасность для России состоит не в установлении автократического режима, а во "вползании" в авторитарную ситуацию, которую они характеризуют как "состояние, при котором правящие группировки, сохраняя фасад конституционного строя, фактически узурпируют властные функции", что ведет к блокировке демократических каналов осуществления власти. Такое развитие событий, считают авторы, заложено в Конституции, но в кризисных условиях эта Конституция может послужить трамплином от авторитарной ситуации к жесткому авторитаризму [12]³.

Другой аспект авторитарной трансформации в России рассматривает А. Фадин,

³ В более развернутой форме о концепции "авторитарной ситуации" см. [70].

который после проведения президентских выборов 1996 года главную угрозу видит не в автократии, порождающей раскол в обществе, а в формировании российским правящим классом новой олигархии [71]. В. Дахин рассматривает олигархизацию режима как новый этап развития авторитаризма, пришедший на смену авторитарной реформе [72]. А. Зудин, анализирующий взаимоотношения российских властей с группами интересов, также считает, что основным типом согласования интересов в России является олигархический [73]; несмотря на наличие в такой системе определенного плюрализма, неустойчивость и отсутствие четких правил ведет к криминализации всех сфер жизни общества. Анализ этих тенденций в российской политике получил основное развитие в исследованиях политических элит.

Номенклатура, элита и "партия власти"

В отличие от периода перестройки, характеризовавшегося высокой активностью массовых общественных движений (прежде всего демократической ориентации) [74-77], после 1991 года основными акторами российской политики выступали различные сегменты элит⁴. В этих условиях осмысление процессов трансформации и характера нового политического режима через анализ состава элит и тенденций его изменения, практик внутриэлитных взаимодействий стало одним из основных направлений исследований [79].

Первые по времени возникновения и наиболее распространенные модели трансформации элит были связаны с анализом персонального состава политической элиты России по сравнению с советским периодом. Анализ изменений состава элит России, проведенный О. Крыштановской, свидетельствовал о том, что сменяемость политической элиты (прежде всего региональной и местной политической элиты) к концу 1994 года по сравнению с советским периодом оказалась невысокая, хотя в целом произошло омоложение правящего слоя, снижение в его составе доли выходцев из села, повышение образовательного уровня (вероятно, данные процессы имели бы место и при сохранении господства КПСС) [80]. На основании этого исследования Крыштановская сделала вывод о том, что в посткоммунистический период в России произошла трансформация прежней номенклатуры в новую элиту путем конвертации прежнего статуса в политическую и/или экономическую власть в условиях нового режима. Такая трактовка трансформации элит восходила к интерпретации элит советского периода как "номенклатуры" в духе М. Джиласа и М. Восленского [81, 82], ставшей почти повсеместной не только в публицистике, но и в науке.

Однако еще задолго до публикации работы Крыштановской тезис о господстве "номенклатуры" занял видное место в российской политической публицистике и в политической практике. Уже начиная с осени 1991 года эксперты аналитического центра "РФ-политика" А. Собянин и Д. Юрьев, близкие к радикальному крылу "Демократической России", опубликовали записки о заговоре номенклатуры с целью срыва политики реформ, напоминая известный тезис о нарастании классовой борьбы по мере перехода к социализму [83]. Позднее представители правительства (уже бывшие) также объясняли свертывание процесса экономических реформ захватом номенклатурой ключевых позиций в экономике и политике [84, 32].

Примечательно, что концепция номенклатурной трансформации была принята и либеральными критиками правительства (группы "Независимая гражданская инициатива"), которые рассматривали помимо "старой" и "новую" номенклатуру как продукт перерождения новых лидеров, пришедших к власти на волне демократических преобразований [85, 86] (хотя концепция конвергенции с прагматической частью прежней элиты была предложена руководству демократического движения еще весной

⁴ Здесь и далее используется функциональное определение элит - под ними понимаются "группы, обладающие реальной властью в принятии общественно важных решений" [78].

1991 года) [87]. Вышедший летом 1992 года сборник статей "Год после августа: горечь и выбор" под редакцией Ю. Буртина и Э. Молчанова был проникнут "антиноменклатурным" пафосом, а в качестве заключения в сборник был включен текст с многозначительным названием "Номенклатурный реванш как угроза человечеству" (sic!) [47]. И хотя отдельные авторы сборника относились к этой концепции скептически (Л. Шевцова прямо говорила об умышленном преувеличении угрозы прихода к власти "красно-коричневых"), в целом "номенклатурная" модель выглядела идеальной для объяснения причин крушения либеральных иллюзий перестроечного периода и к тому же сопрягалась со справедливым в целом тезисом об отрыве новых лидеров от тех, кто привел их к власти [88, 89]. В рамках этой модели трансформация политического режима после августа 1991 года рассматривалась как реализация "аппаратного" в отличие от "демократического", или "народного", сценария [90], хотя выражались сомнения в возможности реализации последнего [91]. Логическим следствием этого подхода стало определение общественного строя в России как "номенклатурного капитализма", а политического режима - как "номенклатурной демократии" [92-94], консолидированной на основе союза "старой" и "новой" номенклатуры и закрепления их монопольного политического господства.

Концепция "номенклатурной демократии" получила широкий резонанс и вызвала критику различных ее аспектов. А. Бутенко полагал, что "номенклатурный" политический режим не может быть квалифицирован как демократический [59]. И. Дискин отметил, что подобный подход не учитывает столь важного фактора, как последующая легитимация элит (в том числе через механизмы публичной политики); по его мнению, в ходе трансформации представители прежней номенклатуры, неспособные получить поддержку влиятельных групп общества, теряют позиции в политике, те же из них, кто способен подтвердить свой политический статус, являются полноценной частью политической элиты [95]. Вообще, противопоставление "элиты" и "номенклатуры" из-за отсутствия среди исследователей терминологического консенсуса приобретает порой странные черты, например: "Региональная номенклатура имеет собственную внутреннюю структуру. В свою очередь, она делится на элиту и бюрократию. Элита - высший слой номенклатуры... Бюрократия - это номенклатура за вычетом областной элиты..." [96].

Шевцова, рассматривающая трансформацию элит в 1991-1993 годах как "номенклатурную либерализацию", полагает, что, несмотря на сохранение персонального состава прежней элиты, произошло ее качественное обновление, связанное с изменением ее политических функций и прежде всего с проведением реформ, преобразованием старой системы мирным способом. Прежняя номенклатура, по ее мнению, сыграла важную реформаторскую роль (сходную с ролью элиты в рамках транзитологических концепций), но после 1993 года обновленная элита из реформаторской становится консервативной и препятствует формированию механизмов ротации и смены власти [11]. Наконец, Пешков подверг критике смешение понятий "номенклатура" и "бюрократия" (напоминающее ленинскую "борьбу с бюрократизмом"). По его мнению, номенклатура существовала как структурообразующий элемент партии-государства лишь до августа 1991 года; возникшие на ее обломках образования Чешков определяет как "постноменклатурный конгломерат", в составе которого он вычленяет такие группы акторов, как госадминистраторы, госбуржуазия, бюрократическая буржуазия и региональные олигархические образования смешанного состава, включающие в себя региональных представителей всех этих групп [97].

С методологической точки зрения, наиболее уязвимым местом "номенклатурной" концепции является рассмотрение элит исключительно как "номенклатуры" (т.е. списка имен в отрыве от анализа межэлитных взаимодействий), что не может дать удовлетворительного объяснения причин раскола и консолидации элит и изменения воздействия элит на характер политического режима.

Альтернативой "номенклатурной" концепции элит начиная с 1994 года становится анализ взаимоотношений в рамках элитных групп и между элитами и другими слоями

общества в рамках клиентелистских подходов [98], прежде всего применительно к изучению региональных политических элит. Так, М. Афанасьев в духе концепции "второго общества" [99] рассматривает возникновение в России клиентелизма (или "квазикорпоративизма") в связи с адаптацией общества к политической и экономической системе коммунистического правления, своего рода политический аналог "административного рынка" в экономике [100-102], действовавшего нелегально или полулегально [103-105]. С распадом КПСС "номенклатурный квазикорпоративизм" оказался единственной моделью политического структурирования общества, воспроизводимой в виде персональных клиентел (к ним Афанасьев относит и личные "команды" отдельных лидеров, и большинство политических партий России), и клиентелизированных институтов (органов власти, предприятий и т.д.). И. Куколев, обозначивший эти группировки как политико-финансовые группы, включает в их состав как персональные клиентелы - "команды", связанные патронажно-клиентельными связями с политическими лидерами, так и финансово-экономические структуры, и отмечает их главную характеристику - неформальное взаимодействие для борьбы за право распоряжаться или контролировать ресурсы [106].

В рамках клиентелистской модели подчеркивается, что клиентелы способны осуществлять монопольное господство лишь в условиях регионов с моноэкономикой либо высокомонополизированных отраслей (например газовой) [107], либо в республиках с высокой долей нерусского населения, где легитимация их господства отчасти носит традиционный характер [108]. В других случаях образуются две политико-финансовые группировки, из которых одна (на региональном уровне связанная обычно с губернатором) находится у власти, а другая - в оппозиции (по выражению Н. Петрова - "партия власти" и "партия рвущихся к власти") [109]. Более того, характер межэлитных взаимодействий не связан с институциональной структурой: например, после роспуска Советов осенью 1993 года конфликт "ветвей власти" в регионах продолжился уже внутри "исполнительной вертикали", следствием чего становились конфликты между губернаторами и мэрами областных центров [104, 110, 111].

Феномен не оформленного юридически, но вполне реального господства "устойчивых политико-экономических группировок вокруг главы местной исполнительной власти", распространяющегося на экономическую и публичную сферы, Д. Бадовский характеризует как "партию власти" [108]. "Формулой правления" партии власти является эффективность - способность удержания уровня жизни в регионе за счет эффективного "торга" с Центром. Институционализацию партии власти в форме политических организаций типа "Преображения Отечества" в Свердловской области или в форме патронажа над экономическими структурами представителями партий и организаций "третьего сектора" Бадовский и А. Шутов рассматривают как реконструкцию в регионах "номенклатурной" модели [112]. Зудин, напротив, считает клиентельные отношения как форму политического контроля партии власти над группами интересов неэффективными в условиях публичной политики, приводя в качестве примера ситуацию в Санкт-Петербурге, где представители влиятельных групп (директорат промышленных предприятий, строительных компаний), неудовлетворенных политикой мэра города А. Собчака, вышли из-под контроля и консолидировались вокруг его бывшего заместителя В. Яковлева, позднее победившего на губернаторских выборах [73].

Бадовский указывает на то, что оформление "партии власти" в виде пирамиды в регионах логически должно иметь естественное продолжение на федеральном уровне. В российской политической практике подобные попытки создания общенациональной "партии власти", опирающейся на властные ресурсы, предпринимались неоднократно⁵

⁵ В этом ряду следует упомянуть: провозглашение в 1991 году Движения Демократических Реформ, инициативу создания "президентской партии" осенью 1992 года, создание осенью 1993 года блока "Выбор России" и Партии Российского Единства и Согласия, провозглашение в начале 1995 года Российской Партии Социальной Демократии, формирование в марте 1995 года проправительственных фракций "Стабильность" и "Россия" в Государственной Думе, создание в 1995 году объединения "Реформы - новый курс".

начиная с осени 1991 года, но наибольший размах, равно как и наиболее полное интеллектуальное обеспечение, получила попытка создания весной 1995 года проправительственных блоков во главе с В. Черномырдиным и И. Рыбкиным. Разработчики этого проекта исходили из концепции "управляемой демократии", при которой плюрализм в рамках политической элиты допустим лишь в условиях подконтрольности политическим лидерам ("вменяемости"), что позволило бы снизить уровень конфликтности внутри элит и обеспечить сохранение статуса представителей элиты при смене власти [113]. На уровне же теоретических конструкций представление о возможности постепенного перехода к демократии через консолидацию, смену поколений элит и освоение ими демократических норм высказывалось различными авторами [114, 115]. В. Хорос рассматривал образование доминантной партии как путь укрепления власти без свертывания демократизации [44], хотя закрепление господства партии власти в долгосрочной перспективе не способствует демократизации, а напротив, препятствует ей.

Вместе с тем закрепление господства консолидированной элиты через институционализацию партии власти на федеральном уровне наталкивается на противоречия, которые едва ли могут быть разрешены в рамках существующего политического режима. Два таких противоречия выделяет критик концепции партии власти А. Рябов [116]. Первое из них связано с конституционной формой правления в виде суперпрезидентской республики, в которой институт партии власти и связанные с ним ограничения для главы государства, его подотчетность политической элите оказываются лишними; президент, в свою очередь, вынужден взаимодействовать со своим окружением по принципу "разделяй и властвуй", и в конечном итоге консолидация элит сменяется новым расколом (Рябов при этом проводит параллели с политической системой России периода 1907-1917 годов). Второе препятствие на пути институционализации партии власти связано с отсутствием у российской элиты реальных достижений, публичная демонстрация которых могла бы способствовать устойчивой легитимации партии власти (в качестве примера Рябов приводит успехи, достигнутые в ходе правления Институционно-революционной партии Мексики, Индийского национального конгресса или Либерально-демократической партии Японии, сыгравшие немалую роль в закреплении этих партий в качестве доминирующих). Рассматривая эту проблему в более широком контексте, следует отметить, что формирование партии власти в целом слабо соотносится с решением задач экономической и политической модернизации: стремление российской политической элиты к стабилизации вступает в противоречие с новыми вызовами, порождаемыми самим процессом трансформации [117]. В этом отношении неэффективность партии власти как института подтверждает тезис Капустина о недостаточности "пакта элит" для преодоления политического кризиса [118].

В целом следует отметить, что несмотря на признание всеми авторами ключевой роли элит как ведущих акторов политического процесса в посткоммунистической России, сам по себе анализ внутриэлитных взаимодействий оказывается недостаточным для построения концепций политической трансформации, хотя способствует осмыслению ряда ее закономерностей.

Промежуточные и гибридные модели политического режима в России

Проблемы с применимостью традиционных политологических подходов, а также сложности сопоставления российской трансформации с аналогичными процессами в других странах побудили к созданию моделей промежуточных форм политических режимов в России и в пост-СССР в целом, исходящих из представлений об "особости" посткоммунистической трансформации и необходимости поиска присущих только ей моделей политического развития. Например, Клямкин, рассматривая посткоммунистическую демократию в России и на Украине, в качестве ее особенности отмечал:

"Представительные парламентские органы возникают и начинают действовать при отсутствии современной рыночной экономики и гражданского общества". Поскольку, по мнению Клямкина, в обществе почти отсутствуют производительные интересы, то парламенты превращаются в "клубы сердитых потребителей", препятствующие работе правительства [119]. Исполнительная власть вместе с тем неспособна применять в полной мере свои полномочия, что свидетельствует о ее недостаточной легитимности. Клямкин рассматривает посткоммунистическую демократию как переходную форму режима "между авторитаризмом и демократией" с примерно равными шансами обоих вариантов [120, 67].

Сходные оценки политического режима в России, различающиеся лишь терминологией, дают и другие авторы (отметим, что взгляды либералов и их оппонентов, по существу, сходятся). В качестве определений режима в их работах фигурируют такие понятия, как "фасадная демократия" (Д. Фурман) [121], "эрзацдемократический режим" (В. Рукавишников и др.) [122], "авторитарная демократия" (Рукавишников) [123] и т.д. Клямкин подчеркивал, что российское общество не готово ни к демократии, ни к авторитаризму (как "капиталистическому", так и "социалистическому") [26]. А. Салмин также считает, что в посткоммунистический период выбор не сводится к дихотомии "демократия или авторитаризм", поскольку нет условий для устойчивого существования этих режимов [124]. Гибридные модели режимов предлагались и в качестве рекомендаций, например "симбиоз гражданского общества и сильно авторитарного государства с опорой на национальную идею" (Б. Пугачев) [125] и т.д.

Наиболее проработанными концепциями переходного политического режима в России следует признать модель "полудемократии" (Л. Гордон) [126] и модель "российского гибрида" (Шевцова) [11]. Обе концепции рассматривают эволюцию режима в контексте современной истории, отвергая детерминированность перехода влиянием экономических или институциональных факторов, и этим близки к представлениям Д. Растоу о динамической модели перехода [127].

Гордон рассматривает процесс политической трансформации в СССР и России как кризис перехода от одного строя к другому - от государственного социализма к демократии и рынку [128, 129]. Подчеркивая асинхронность политических и экономических изменений, Гордон рассматривает три модели развития: государственный социализм (нет ни демократии, ни рынка), авторитарная модернизация (рынок без демократии, "китайская" модель) и демократическая рыночная модернизация (вариант демократии без рынка Гордон оценивает как утопию). На начальном этапе перехода (1985-1987 годы), по мнению Гордона, осуществлялась попытка чисто экономической модернизации без намерений политических преобразований, но "уже к 1987-1988 годам стало ясно, что эта логика неосуществима" из-за сопротивления реформам со стороны аппарата, после чего, начиная с лета 1988 года, стратегия авторитарной модернизации заменилась стратегией демократической или по крайней мере антитоталитарной⁶. Гордон полагает, что перемены 1988-1991 годов привели к разрушению политической системы госсотциализма и открыли путь к проведению рыночных реформ, но вместе с тем повлекли за собой ослабление правопорядка, рост произвола и криминализацию экономики и общества. Эти обстоятельства вынуждают к полудемократии - отступлениям от полной демократии при проведении реформ, которые, по оценке Гордона, все же не носили характер отказа от курса на демократизацию и необходимы для восстановления дееспособности государства. Однако при этом постоянно сохраняется угроза сползания к авторитаризму, усилившаяся в ходе чеченской войны. Единственной альтернативой сохранению переходного полудемократического-полуавторитарного режима в его эволюции в сторону демократии Гордон считает усиление авторитарности в форме национал-социализма или фашизма.

Более критически оценивает посткоммунистический этап развития Шевцова. Ее концепция "российского гибрида" исходит из того, что в России произошла трансфор-

⁶ Сходные по смыслу оценки политики перестройки см. [130].

мация в результате внутренней эволюции коммунизма, адаптировавшегося к новым условиям, и потому посткоммунистический режим соединяет противоположные тенденции в их переплетении. По мнению Шевцовой, пока трудно сказать, приведет ли кардинальное обновление политической системы, проведенное частью прежней элиты, к закреплению демократических черт режима либо оно станет основой для формирования нового бюрократического или авторитарного режима. Шевцова считает, что в период 1991-1993 годов сохранялась поливариантность политического развития России (сохранение гибридности, усиление крена в сторону мягкого авторитаризма, закреплённые олигархического руководства, курс на дальнейшую демократизацию), которая во многом определялась субъективными факторами, в том числе расстановкой сил в российской политической элите. Однако исполнительная власть отказалась от демократизации. После событий сентября-октября 1993 года выбор вариантов сузился, нарастание авторитарных тенденций сопровождалось попытками консолидации нового режима на деидеологизированной основе. К 1995 году Шевцова отмечает институционализацию режима и ослабление персонализации политики. В условиях этого режима одновременно присутствуют, с одной стороны, рост влияния корпоративных группировок при слабости гражданского общества, с другой - идейный и организационный плюрализм в рамках элиты, происходит столкновение различных правил игры; гибридный политический режим сочетает в себе черты авторитаризма, популизма, группового олигархического правления и демократических процедур и может вести как к стабилизации на бюрократической основе, так и к новой социальной напряженности. В другой статье Шевцова выделяет ряд препятствий на пути развития в России авторитарных тенденций, прежде всего - неспособность отдельных группировок к устойчивой монополизации власти; регионализация и децентрализация страны и баланс влияния федеральных и региональных элит; продолжающийся процесс создания гражданского общества; постепенное ослабление патерналистских тенденций среди населения и развитие индивидуализма и независимости [131].

Как Гордон, так и Шевцова рассматривали состояние политического режима в России как неустойчивое равновесие между развитием авторитарных и демократических тенденций, полагая неизбежным изменения в ту либо в другую сторону в зависимости от развития политической ситуации (обе работы были написаны в преддверии избирательного цикла 1995-1996 годов). Но противоречивость отмеченных ими тенденций сохраняется по сей день, в то время как поворот к чистым формам авторитарного или демократического режима пока не отмечен. Определение подобного состояния как "мертвой зоны", данное О. Вите, в значительной мере характеризует представление ряда политологов о неопределенном и временном характере этих форм политического режима в России.

Оценки перспектив политической трансформации в России

Прогнозы эволюции политического режима в России большинство исследователей связывают прежде всего с изменением расстановки политических сил и ростом либо ослаблением влияния тех или иных акторов на выработку и реализацию политики. Достаточно характерна в этом отношении точка зрения Мешкова, который рассматривает варианты развития государства в зависимости от состава коалиций "постноменклатурного конгломерата". По мнению Мешкова, коалиция госадминистраторов и госбуржуазии ведет к государству с сильным авторитарным режимом, но расширение этой коалиции за счет предпринимателей и "нового среднего класса" способствует демократизации режима; коалиция госадминистраторов и бюрократической буржуазии предполагает любой режим (от авторитарного до парламентарного), но он является лишь "формальным государством", фасадом открытого мафиозно-корпоративного насилия; наконец, коалиция региональных образований и госадминистраторов создает федерацию региональных олигархий, режим авторитарного парламентаризма с тенден-

цией к конфедерации [97]. Афанасьев, разделяя концепцию "постноменклатурного конгломерата", указывает на то, что его сегменты столь тесно взаимосвязаны, что в пору говорить о "большой коалиции", объединяющей всех акторов; соответственно, доминирование тех или иных групп будет способствовать развитию различных тенденций [105].

Институциональные изменения как фактор эволюции режима рассматриваются реже, очевидно, вследствие сложности реализации проектов конституционных изменений. Салмин, однако, полагает возможным либо доведение до конца "сильной" модели (президент - глава государства и глава исполнительной власти), либо, напротив, в результате "пакта" между представителями нынешней федеральной власти, региональных лидеров и коммунистической Оппозиции переход к "слабому" президенту (т.е. фигуре с символическими полномочиями) [61]. Попытки внесения изменений в Конституцию, а также просочившиеся в печать сведения о планах переустройства системы власти в постельцинский период, согласно которым полномочия главы государства будут существенно ослаблены, а статус премьер-министра резко повышен, как будто бы подтверждают последний прогноз [132].

Перспективы демократизации большинство авторов связывают с развитием гражданского общества, укреплением политических партий, профсоюзов, рабочего движения [133, 69, 126]. В качестве примера влияния гражданского общества на сохранение демократии А. Галкин и Ю. Красин рассматривают срыв планов переноса или отмены выборов 1995/96 годов под воздействием различных общественных сил [69]. В качестве альтернативы демократизации режима все чаще рассматривается не столько авторитаризм, сколько "латиноамериканизация", под которой понимается нестабильность, правовой произвол, перманентный кризис всех сфер жизни общества, социальные конфликты и т.д. [134, 135]. В то же время сценарии распада России и быстрого перехода к либеральной демократии исключаются всеми авторами. Среди промежуточных и гибридных вариантов режима все большее внимание уделяется корпоративизму [136-138] как в негативном плане, где корпоративизм предстает в качестве модели институционализации согласования интересов различных групп общества [139, 73].

Резюмируя, следует выделить главные характеристики российских концепций политической трансформации в России, присущие большинству авторов, независимо от их идейных ориентаций.

1. Господствует представление о режиме переходного периода как о неопределенном, объединяющем в себе черты демократии и авторитаризма (в форме как автократии, так и олигархии) с преобладанием элементов авторитаризма.

2. В качестве факторов, способствующих авторитарным тенденциям, рассматриваются преобладание исполнительной власти над представительными органами, клиентелистские формы социальных связей, слабость гражданского общества, монополизм, теневая экономика.

3. Главными политическими акторами являются различные сегменты элиты (как старой, так и новой), характер взаимодействия которых играет важную роль в эволюции режима.

4. Перспективы политического развития в основном рассматриваются в континууме авторитаризм - демократия в рамках промежуточных и гибридных форм политических режимов типа полудемократии - полуавторитаризма и т.д. В целом оценки перспектив российской трансформации и перехода к демократии носят неопределенный либо умеренно пессимистический характер.

Оценивая дебаты о российской трансформации с точки зрения развития политической науки в России, следует иметь в виду, что еще в конце 80-х годов изучения внутренней политики как таковой в стране просто не существовало, и в этом отношении развитие научных дискуссий, формирование оригинальных концепций и попытки адаптации к российским реалиям отдельных концепций, заимствованных из западной политологии, выглядят существенными достижениями. Российская транзит-

логия в 1989-1996 годах уже прошла через формирование собственного научного языка и становление профессионального научного сообщества, переболев при этом детскими болезнями гиперполитизированности и ориентации на сервис власть предержащих. Очевидно, для нее должно прийти время взросления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тёмкина А., Григорьев В.* Осмысление общественной трансформации в России как комплексного процесса. Доклад на семинаре по программе "Германо-российский мониторинг трансформации социальных наук". Берлин, 1996, октябрь.
2. *Стрижевская Ю.* Переходы от авторитарных режимов // *Общественные науки и современность*. 1992. № 5.
3. *Фадеев Д.* От авторитаризма к демократии: закономерности переходного периода // *Полис*. 1992. № 1-2.
4. *Цыганков А.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. Гл. IV.
5. *Харитонова О.* Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // *Полис*. 1996. № 5.
6. *Пределы власти*. 1994. № 1-4.
7. *Банс В.* Элементы неопределенности в переходный период // *Полис*. 1993. № 1.
8. *Видоевич З.* Возвращение социализма? // *Социологические исследования*. 1996. № 4-5.
9. *Мейер М.* Аналитические центры в системе российской демократии // *Пределы власти*. 1994. № 1.
10. *Jonin L.* Institutionalisation und Ideologische Paradigmen der Politologie / I. Oswald u.a. (Hg.). *Sozialwissenschaft im Russland*. Bd 1. Deutsch-Russisches Monitoring. Berlin, 1996.
11. *Шевцова Л.* Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. М., 1995.
12. *Капустин Б.* Либеральная идея в России // *Иное*. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С. Чернышева. М., 1995.
13. *Мигранян А.,* Легко ли стать Европой? // *Век XX и мир*. 1988. № 12.
14. *Мигранян А.* Долгий путь к европейскому дому // *Новый мир*. 1989. № 7.
15. *Что впереди?* // *Московские новости*. 1989, 9 июля.
16. *Мигранян А., Клямкин И.* Нужна "железная рука"? // *Литературная газета*. 1989, 16 августа.
17. *Sautman B.* The Devil to Pay. The 1989 Debate and the Intellectual Origins of Yeltsin's "Soft Authoritarianism" *Communist and Post-Communist Studies* 1995. Vol. 28. № 1.
18. *Yanowitch M.* Controversies in Soviet Social Thought. Democratization, Social Justice and the Erosion of Official Ideology. Armonk-London, 1991.
19. *Weigle M.* Political Liberalism in Postcommunist Russia // *The Review of Politics*. 1996. Vol. 58. №3.
20. *Боткин Л.* Мертвый хватает живого // *Литературная газета*. 1989, 20 сентября.
21. *Дилигенский Г.* Кто боится демократии? // *Новое время*. 1989, № 38.
22. *Перспективы демократизации ("круглый стол" по проблемам политической реформы в СССР) // Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 2.
23. *Вильчек В.* Правая, левая, где сторона? // *Литературная газета*. 1989, 18 октября.
24. *Шевцова Л.* Восточная Европа: "момент истины" еще впереди // *Полис*. 1991. № 1.
25. *Клямкин И.* Десять вопросов моим оппонентам и самому себе // *Литературная газета*. 1989, 27 декабря.
26. *Клямкин И.* Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // *Полис*. 1993. №5.
27. *Мигранян А.* От VII съезда народных депутатов к референдуму: опасности нынешнего политического процесса в России // *Независимая газета*. 1993, 16 февраля.
28. *Мигранян А.* Главные результаты девятого съезда // *Независимая газета*. 1993. 10 апреля.
29. *Мигранян А.* Авторитарный режим в России, каковы перспективы? // *Независимая газета*. 1993, 4 ноября.

30. Жестким курсом... Аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 15-19.
31. *Львин Б.* Свобода рук // Век XX и мир. 1992. № 2.
32. *Улюкаев А.* Либерализм и политика переходного периода. М., 1995.
33. *Найшуль В.* О нормах современной российской государственности // Сегодня. 1996, 23 мая.
34. *Красильщиков В., Заборов Г., Рябов А.* Модернизация России (мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. 1992, май-июнь.
35. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / Под ред. В. Красильщикова и др. М., 1994.
36. *Хорос В., Чешков М.* Авторитаризм и демократия в третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7.
37. *Ворожейкина Т.* Шествие триумфаторов // Век XX и мир. 1992. № 1.
38. *Майданник К.* Сильная рука как соблазн и угроза. Российский авторитаризм в контексте опыта "третьего мира" // Век XX и мир. 1992. № 6.
39. *Осипов Г.* Мифы уходящего времени // Социологические исследования. 1992. № 6.
40. Реформирование России: мифы и реальность / Под ред. Г. Осипова. М., 1994.
41. *Бутенко А.* Утвердится ли у нас авторитаризм? // Свободная мысль. 1993. № 16.
42. *Бузгалин А., Калганов А.* Кровавый октябрь в Москве. М., 1994.
43. *Лапина Н.* Предприниматели в политическом пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6.
44. *Клямкин И.* Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? Авторитаризм и демократия: от Третьего мира к России (материалы дискуссии) // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 8.
45. *Капустин Б.* Либеральная идея и Россия (пролегомена к концепции современного российского либерализма) // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (II). М., 1995.
46. Авторитаризм или демократия (материалы дискуссии) // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 1.
47. Год после августа: горечь и выбор / Под ред. Ю. Буртина, Э. Молчанова. М., 1992.
48. *Холодковский К.* Специфика социальных конфликтов в России. Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. 1994. № 2.
49. *Макушкин А.* "Демократизация" на фоне экономического спада. Некоторые итоги реформ в России // Свободная мысль. 1994. № 7, 8.
50. *Митрохин С.* Как отзовутся удары топора. Новое неравенство как социальный динамит // Век XX и мир. 1992. № 5.
51. *Майданник К.* Опасность ставки на "меньшее зло" // Свободная мысль. 1993. № 4.
52. Праворадикальная угроза России // Полис. 1995. № 2.
53. *Фурман Д.* Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1.
54. *Дахин В.* Социальные последствия "либеральной революции" в России // Свободная мысль. 1994. № 10.
55. *Дахин В.* Дуализм общественно-политической жизни России (к вопросу о влиянии исторической традиции) // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (I). М., 1994.
56. *Витюк В.* Авторитаризм и гражданское общество // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (I). М., 1994.
57. *Бурмистрова Т., Костин Р.* Политическая социология (программа вузовского курса) // Социологические исследования. 1994. № 11.
58. *Семенов В., Степанян Ц.* От конфликта к согласию: пути перехода // Социологические исследования. 1994. № 12.
59. *Бутенко А.* О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. 1994. № 10.
60. *Крыжановская О.* Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. 1995. № 8.
61. *Салмин А.* О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной властей в Российской Федерации // Полис. 1996. № 1.

62. Российский социум в 1994 году: конфликтологическая экспертиза // Социологические исследования. 1995. № 2.
63. Дмитриев А. и др. Российский социум в 1995 году (первое полугодие): конфликтологическая экспертиза // Социологические исследования. 1996. № 1.
64. Сенатова О. Региональный авторитаризм на стадии его становления // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства (III). М, 1996.
65. Борисов С. Постоянные и переменные величины регионального политического процесса до и после выборов // Нижегородские выборы-95: новые тенденции и старые уроки / Под ред. С. Борисова. Нижний Новгород, 1996.
66. Гельман В. Региональные режимы: завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9.
67. Клямкин И., Лапкин В., Панишин В. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2.
68. Мигранян А. Президент должен принять решение и назначить премьером человека, который способен создать правительство национального спасения // Независимая газета. 1994, 4 ноября.
69. Галкин А., Красин Ю. Фельдфебеля - в Вольтеры? // Свободная мысль. 1995. № 9.
70. Linz J. The Future of the Authoritarian Situation or Institutionalization of an Authoritarian Regime: The Case of Brazil / A. Stepan (ed.). Authoritarian Brazil. Origins, Policies and Future. New Haven-London, 1973.
71. Фадин А. Общественное согласие в целом достигнуто // НГ-сценарии, 1996. № 4.
72. Дахин В. Политическая культура и власть // Свободная мысль. 1996. № 1.
73. Зудин А. Россия: бизнес и политика (стратегии власти в отношениях с группами давления и бизнеса) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 5.
74. Гордон Л. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М., 1993.
75. Новые социальные движения в России (по материалам российско-французского исследования) / Под ред. Л. Гордона и др. М., 1993.
76. Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования / Под ред. В. Костюшева. М.-СПб., 1993.
77. Duka A. et al. The Protest Cycle of Perestroika. The Case of Leningrad // International Sociology. 1995. Vol. 10. № 1.
78. Радаев В., Шкартан О. Социальная стратификация. М., 1995. Гл. 7. 1
79. Kukolev I., Stykow P. Eliteforschung (1991-1996) / I. Oswald u.a. (Hg.). Sozialwissenschaft im Russland. Bd. 1. Deutsch-Russisches Monitoring. Berlin, 1996.
80. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
81. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
82. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
83. Реванш. Недопереворот. Версия центра "РФ-политика" М., 1994.
84. Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. Гл. IV.
85. Афанасьев Ю. Номенклатура на сходке вечевой // Независимая газета. 1992, 2 апреля.
86. Буртин Ю. Важные государственные дела // Независимая газета. 1992, 21 апреля.
87. Фадин А., Бунин И., Марков Ю., Салмин А. Кто правил и кто будет править в СССР. Борьба элит в переходном обществе: номенклатура и демократия // Век XX и мир. 1991. №5.
88. Гельман В. Демократическая оппозиция в посткоммунистической России: очерк истории и вопросы теории // Политический мониторинг. 1995. № 2.
89. Верховский А. Левый марш либеральной оппозиции // Панорама. 1993. Ms 2.
90. Буртин Ю. Чужая власть // Независимая газета. 1992. 1 декабря.
91. Тимофеев Л. Фашизм в конце туннеля // Известия. 1992. 24 августа.
92. Буртин Ю., Водолазов Г. В России построена номенклатурная демократия // Известия. 1994. 1 июня.
93. Буртин Ю. Новый строй. О номенклатурном капитализме. М., 1995.
94. Демократия в России: самокритика и перспективы (материалы "круглого стола") // Общественные науки и современность. 1995. № 2.
95. Дискин И. Россия: трансформация элиты. М., 1995.

96. Барзилов С., Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1.
97. Чешков М. "Вечно живая" номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.
98. Eisenstadt S., Lemarchand R. (eds.). Political Clientelism, Patronage and Development. Beverly Hills-London, 1981.
99. Hankiss E. The "Second Society": Is There an Alternative Social Model Emerging in Contemporary Hungary? // Social Research. 1988. Vol. 55. № 1/2.
100. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.
101. Павленко С. Неформальные управленческие взаимодействия // Постижение / Под ред. Ф. Бородкина и др. М., 1989.
102. Кордонский С. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С. Чернышева. М., 1995.
103. Афанасьев М. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. №1.
104. Афанасьев М. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. 1994. №6.
105. Афанасьев М. Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3, 4.
106. Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. 1996. №1.
107. Паппэ Я. Какая Россия нужна отечественному ТЭК // Сегодня. 1995, 15 августа.
108. Бадковский Д. Трансформация политической элиты в России - от "организации профессиональных революционеров" к "партии власти" // Полис. 1994. № 6.
109. Петров Н. Выборы в представительные органы власти // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 3, 4.
110. Гельман В. Новая местная политика // Очерки российской политики / Под ред. В. Гельмана. М., 1994.
111. Григорьев О., Малютин М. Региональная ситуация в России после декабрьских выборов: анализ новых тенденций и политических итогов местных выборов весной 1994 года. М., 1995.
112. Бадковский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6.
113. Двублоковая терапия. Документ // Независимая газета. 1995, 20 мая.
114. Бунин И., Макаренко Б. Формирование элиты: пути проблемы, направление эволюции. Аналитический материал. М., 1995.
115. Мясников О. Смена правящих элит: консолидация или "вечная схватка"? // Полис. 1993. № 1.
116. Рябов А. "Партия власти": попытка превращения новой российской элиты в ведущую силу публичной политики // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России / Под ред. В. Кувалдина и др. Серия "Политология". Вып. 3(17). М., 1996.
117. Гельман В. Шахматные партии российских элит // Pro et contra. 1996. № 1.
118. Капустин Б. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994. № 5.
119. Клямкин И. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. 1993. № 2.
120. Клямкин И. Новая демократия или новая диктатура? М., 1994.
121. Фурман Д. Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1.
122. Рукавишников В. и др. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социологические исследования. 1992. № 3.
123. Рукавишников В. Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 6.
124. Власть при переходе от авторитаризма к демократии (материалы конференции) // Свободная мысль. 1993. № 8.
125. Пугачев Б. Что после империи? // Кентавр. 1992. Март-апрель.

126. *Гордон Л.* Область возможного. Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М., 1995. Гл. 1.
127. *Rustow D.* Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. № 3.
128. *Гордон Л., Плискевич Н.* Развилки и ловушки переходного времени // *Полис*. 1994. №4,5.
129. *Гордон Л.* Ретроспективы и перспективы переходного времени // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (I)*. М., 1994.
130. *Согрин В.* Политическая история современной России. М., 1994. Гл. 1, 2.
131. *Shevtsova L.* Parliament and Political Crisis in Russia / J. Hahn (ed.). *Democratization in Russia: the Development of Legislative Institutions*. Armonk-London, 1996.
132. *Дикун Е.* Генерал чувствует опасность с тыла // *Общая газета*. 1996. № 35.
133. *Гаджиев К.* О перспективах демократической государственности в России // *Полис*. 1994. № 3.
134. *Ворожейкина Т.* Россия в латиноамериканском зеркале // *Иное*. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С. Чернышева. М., 1995.
135. *Беляева Л.* Россия перед историческим выбором // *Свободная мысль*. 1993. № 15.
136. *Перегудов С.* Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // *Полис*. 1993. № 4.
137. *Schmitter P.* Still the Century of Corporatism? // *Review of Politics*. 1974. Vol. 36. № 1.
138. *Schmitter P.* Corporatism is Dead! Long Live Corporatism! // *Government and Opposition*. 1989. Vol. 24. №1.
139. *Перегудов С.* Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // *Полис*. 1994. № 5.

© В. Гельман, 1997